

УДК 371.321

В.Б. Храмов

Храмов Валерий Борисович, доктор философских наук, профессор кафедры философии и политологии Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. 4-летия Победы, 33), valery.khram@yandex.ru

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ СОЗДАНИЯ НАУЧНОЙ РАБОТЫ

В статье на конкретном биографическом материале проанализированы трудности использования некоторых распространенных методик создания научных работ; даны рекомендации по их преодолению.

Ключевые слова: тема, предмет, метод исследования, системный подход, цитирование.

V.B. Khramov

Khramov Valerij Borisovich, Ph.D. (philosophical Sciences), professor, Department of philosophy and political science of the Krasnodar state Institute of culture (Krasnodar, street 4-letiya Pobedy, 33), valery.khram@yandex.ru

THE QUESTION OF METHODS OF WORK OF THE SCIENTIFIC

The article challenges the use of some common methods of creating scientific papers analyzed for specific biographical material; recommendations to overcome them.

Keywords: subject, object, research method, system approach, citations.

Сегодня стало правилом: представляя свой курс в университете, преподаватель обязательно должен рассказать о том, как он пришел к основным своим идеям, рассказать их «биографию». Вузовские лекции строятся на материале научных исследований профессора – исследователь и педагог выступают в вузе в «одном лице». Поэтому педагогическая практика влияет на стиль научных книг и статей, в текст вносят некоторые автобиографические элементы. Впрочем, нельзя забывать, что уже у одного из основоположников науки Нового времени Рене Декарта в «Размышлениях о методе» биография автора присутствует, и что для нас имеет существенное значение, проанализирован также и научный метод.

Думается, что данной идеей можно воспользоваться, поскольку мы намереваемся рассказать о тех методах научного познания, которые знаем не с чужих слов, которые использовали в нашей практике. Предстоит писать немного о себе в связи с той темой, которая обозначена в названии статьи. Ясно, что подобная манера выглядит слегка нескромной, но она удобна для изложения и облегчает понимание того материала, который будет представлен ниже. Главным все-таки будет рассказ о методах исследования. Мы надеемся, что удастся прояснить некоторые вопросы, актуальные прежде всего для молодых ученых, точнее – для начинающих, и надеемся, что это будет им полезно.

Научная биография автора данной статьи началась после окончания консерватории в конце 70-х годов. Пока учился – наукой не занимался, к сожалению. Играл на рояле. Диплом не писал, даже реферат не был предусмотрен учебным планом. Говорили: «Захотел быть специалистом-музыкантом – будь: играй, упражняйся, твори». Но после выпускных экзаменов, напутствующий меня профессор, у которого я проучился пять лет, намечая дальнейший план моей жизни, четко обозначил три основных направления: педагог – музыкант, артист филармонии, и наконец, что было неожиданным, – кандидатская диссертация. Сам он был заслуженным артистом республики и кан-

дидатом наук. Диссертация нужна, как он пояснил, и для карьеры и для духовного роста. Я уважал этого человека, и поскольку других планов не было, взялся за выполнение тех, что посоветовали. Тем более здравый смысл подсказывал: послушаешься, будет основание обращаться за помощью, « поступишь вопреки» – останешься без поддержки.

Итак, нужно было приступить к новому делу – к работе над диссертацией, к научной деятельности. Форма обучения была выбрана правильно – ассистентура-стажировка при консерватории. В ней ассистент профессора продолжал совершенствоваться в искусстве, но также должен был заниматься наукой. Диссертация была необязательным элементом обучения, но весьма желательным. Именно ассистенты-стажеры в советское время приходили на смену старшему поколению педагогов, и лучшие перспективы имели именно кандидаты наук. Но для поступления в ассистентуру нужно было написать реферат.

Реферат был первой формой научной работы, которой нужно было овладеть. Писать его я не умел – необходим был совет, который удалось получить. Знакомый профессор порекомендовал почитать статью Григория Михайловича Когана «Как делается научная работа» [1]. Статья понравилась, даже увлекла. В ней было главное – Григорий Михайлович писал о научной работе как о замечательно интересном деле. Все казалось ясным и даже легким. Я узнал, как выбрать и сформулировать тему – в ней должна быть обозначена конкретная область исследования, и весьма желательно, чтобы в формулировке отражалась основная идея-вывод работы, точнее, мысль, которая в работе доказывается, как Коган писал. И были здесь конкретные примеры: у А. Швейцера есть книга, посвященная Баху [2] (это направление исследования), а тема ее – «Изобразительный язык музыки Баха». Очень правильно поступает автор, приводя подобные примеры, – сразу его рекомендации приобретают характер в высшей степени авторитетный. Учишься, подражая великим ученым, глядишь – что-то и получится. Конечно, вряд ли так

же хорошо, как у Швейцера, но, по крайней мере, что-то будет. Учиться у слабых авторов не нужно – собственная работа будет еще хуже.

Г.М. Коган – искусствовед. А искусствоведы «любят цитировать». И Коган много пишет об этом. Из его статьи я узнал, что общеизвестные вещи оформлять, как цитаты, не стоит. Например, если мы пишем о том, что Ленин родился 22 апреля 1870 года, то указывать источник не нужно. Впрочем, многое зависит от предмета исследования. Если работа посвящена изучению биографии вождя мирового пролетариата, то имеет смысл сослаться на архивную запись регистрации рождения, если она сохранилась, ну а если нет – указать на этот прискорбный факт. В данном случае ссылка на документ является полезной и даже необходимой научной информацией.

Метод, который рекомендовал Коган своим ученикам, может быть сформулирован следующим

- нужно собрать материал, касаемый темы исследования, т.е. выписать из книг фрагменты, пригодные для цитирования;
- затем следует его классифицировать, «разложить по полочкам»;
- согласно логике классифицированного материала разработать план;
- и, наконец, обработать материал, выстроить повествование, сформулировать выводы.

Все кажется простым и легко осуществимым. Особенно сегодня, когда есть возможность использовать компьютер, поиск по ключевым словам и прочие технические возможности. В то время приходилось читать, выписывать и раскладывать выписки по конвертикам. Затем, когда уже писали работу, раскрывался соответствующий разделу конвертик и творили, цитируя.

Нетрудно догадаться, что я стал работать «по Когану». Решил исследовать музыкальное искусство (я уже знал, что это называется «объектом исследования»). В музыке есть авторы-композиторы и исполнители. Решил, что буду писать о влиянии исполнительского искусства на авторскую композиторскую деятельность (это будет предметом диссертационного исследования). Но сразу писать диссертацию новичку трудновато – необходимо начать

с чего-то конкретного и обозримого. И я сформулировал тему вступительного реферата – «Фортепианная бахиана Ф. Листа». Название мне казалось исключительно удачным (так думаю и сегодня). Что-то в нем есть артистическое, остроумное. Лист «бахианы» не писал. Но есть намек на Вилла-Лобоса, который писал именно «бахианы», латиноамериканскую музыку, обрабатывая в манере Баха. Я же изучал фортепианные обработки музыки Баха, сделанные великим пианистом-романтиком, т.е. осмысливал тему исследования на конкретном материале, который знал весьма хорошо.

Мой реферат в ассистентуре оценили высоко – приняли, что называется, «на ура». Отметили, что у меня есть исследовательские способности. Это дало повод для гордости, но, как скоро выяснилось, – преждевременной. В консерватории, где я стажировался, ученого совета, в котором диссертации защищают, не было. Нужно было его искать и прикрепляться в другую аспирантуру, где есть защита. При социализме таковых было мало. Располагались они в центре – в Москве и Ленинграде. Советы в республиках (Грузии, Армении и др.) никем из нас серьезно не рассматривались – там своя жизнь, свои традиции, там нам не пробиться. Москва была ближе – туда я и поехал.

В Москве был ряд учреждений, в которых моей работой могли заинтересоваться. Пройдя по их адресам, я вдруг обнаружил, что проблематику, связанную с музыкальным исполнительским искусством, «контролирует» один человек. Он по логике вещей является главой, координатором данного направления в искусствознании. И этим человеком был А.Д. Алексеев, автор многотомного учебника по истории фортепианного исполнительства, а также книги по методике обучения игре на фортепиано, по которой «училась вся страна». Я решил обратиться прямо к нему. Кое-какие отношения у меня с ним уже были: когда он читал лекции в Ростове-на-Дону, я помогал ему двигать рояль. Но в новых обстоятельствах, как я тогда не без основания думал, этого будет маловато. Знакомых, способных меня представить-поддержать, не было, поэтому пошел по официальному пути – принес реферат в аспирантуру НИИ Искусствознания. И тут неожиданно повезло. Ученый секретарь

совета Нелли Григорьевна Шахназарова оказалась ученицей моего профессора. Правда, она училась у него в Баку еще до войны, но все равно – «одна школа», и она действительно сразу стала помогать: представила Алексееву и официально попросила его посмотреть реферат на предмет прикрепления меня к аспирантуре. Он отнесся к делу со вниманием, разговаривал со мной как с серьезным ученым. Но все изменилось, когда профессор прочел мою работу – я потерпел полное фиаско, т.к. предмет моей гордости и всеобщего восхищения – реферат о Листе – ему не понравился. Он, сочувственно улыбаясь, сообщил, что реферат скорее студенческий. Я понял, что в аспирантуру Алексеев меня брать не хочет – наверное, были другие претенденты. По реферату было ясно, что я нахожусь «в начале пути»... Потом была встреча с Шахназаровой. Она хотела помочь, но «давить» на Алексеева не стала, может быть, даже чуть на него обиделась. Алексеев в разговоре с ней меня не топил, просто указал на то, что и тема, и постановка проблемы все-таки носят характер эстетический, ближе к эстетике – т.е., искусствоведческий материал используется в основном как иллюстрация общих положений. Нелли Григорьевна также посоветовала развить тему в эстетическом ключе.

Сейчас – по прошествии сорока лет – я понимаю причину неудачи. Все-таки я Григория Михайловича Когана понял не совсем правильно. Дело в том, что метод писать научный текст, который он рекомендует, несмотря на видимую простоту, является, пожалуй, самым сложным способом представления материала. Его суть состоит в следующем: *свои* мысли излагаются чужими словами. И тогда чужое слово будет еще одним аргументом в пользу наших идей. У меня же вышло так: *чужие* мысли я изложил чужими же словами. У меня получился, скорее, весьма искусный, написанный со знанием дела реферат, но все же чуть студенческий, для того уровня требований, которые предъявлял к аспирантам Алексеев – для него нужно было написать самостоятельный фрагмент будущей диссертации, а лучше ее «отреферировать».

Необходимо еще добавить следующее. Использование «метода Когана» требует от ученого также ясного осознания того, что цитата из авторитетного источника, подтверждающая нашу мысль, аргумент не столь убедительный, как может показаться. Один из создателей науки нового времени Ф. Бэкон, разрабатывая учение о методе, подчеркивал: исследователь должен обращать внимание, прежде всего на те факты, которые не соответствуют выдвигаемой (или общепринятой) теории. В нашем случае можно посоветовать тот же метод – не забывать анализировать идеи-факты, не соответствующие нашей концепции. И тогда точка зрения автора будет лучше выявлена, а также аргументирована с той степенью самостоятельности, которая уже не позволит назвать работу «ученической». Сам Коган умел это делать превосходно, но в работе как-то забыл данный вопрос разъяснить как следует. Трудно его упрекать, ведь все рассказать невозможно – начни работать, а там разберешься, подскажут, посоветуют...

И еще. Ученик Когана не должен поддаваться обаянию той легкости, с какой использует метод сам Григорий Михайлович. Его легкость – плод большого таланта, опыта и огромного труда. По моему мнению, методика «изложения своих мыслей чужими словами» является самым трудным способом писать научную статью, – красивым, но слишком трудным для новичка.

Итак, жизнь толкнула меня в эстетику. А в эстетике, как и в других гуманитарных науках, в то время был в моде системный подход. По крайней мере, мне так показалось. В то время на лидерство в эстетике претендовал профессор Ленинградского университета Моисей Каган. Он не стремился к административной карьере – был «всего лишь» одним из профессоров на университетской кафедре. Но он был председателем Совета, входил во всякого рода научные экспертные комиссии. Кроме того, наладил работу в аспирантуре так, что ни одна из эстетических работ не проходила без его критического внимания. Был продуктивен. Одним словом – претендовал на идейное влияние и лидерство. В толстой книжке «Лекции по марксистско-

ленинской эстетике» [3] (переведенной, кстати сказать, на многие языки стран социалистического содружества), он убедительно изложил суть своей системы, объясняющей эстетическую сферу, на примере работы каменотеса. Человеческая деятельность была представлена как система, состоящая из элементов-подсистем, связанных друг с другом в единое целое. Концепция использовалась как «инвариантная модель», которая применялась для объяснения всех видов человеческой активности. Пример был столь убедительным, что «его понимали даже студенты», к которым, если говорить начистоту, принадлежал по научному развитию и автор этих строк. Ну а для новичка самоочевидной истиной является следующее суждение: «если я понимаю, значит – правильно!»

Как уже было сказано чуть выше, системный подход был моден в эстетике. Но мода на него шла от кибернетики и программирования, от наук специальных. Правда, отец кибернетики Н. Винер писал, что структура суть субстанция, сущность процесса, т.е. – «философствовал». Наука должна обнаружить сущность (то, что скрывается за явлениями), т.е., как тогда многие считали, выявить скрытые системные связи, обнаружить структуру процесса и выразить знания о предмете исследования в системных понятиях. На практике же в гуманитарных исследованиях так называемый «системный», «структурно-функциональный анализ» по общему правилу сводился всего лишь к выражению известных уже знаний в системных понятиях. Но это я понял уже позднее – к сожалению.

Из работ М.С. Кагана трудно было понять специфику философского подхода к проблеме, которой я занимался. Но общая схема вырисовывалась довольно отчетливо: деятельность композитора и деятельность исполнителя художественного произведения взаимообусловлены, т.е. представляют собой два элемента системы художественной деятельности как таковой. Эти элементы, что вытекает из логики системного подхода, взаимодополнительны, функционально связаны друг с другом, т.е. как я уже писал ранее, влияют друг на друга. Остается выявить специфику данного влияния, что выглядело

для меня вполне выполнимой задачей, поскольку в предмете исследования я разбирался весьма отменно.

В результате изучения литературы возник другой реферат, который я озаглавил в духе того времени «Советская эстетика на пути к системному пониманию искусства». С данным рефератом я вновь появился в Москве. Правда, в НИИ искусствоведения не пошел, а обратился прямо в МГУ к заведующему кафедрой эстетики М.Ф. Овсянникову, «дорогу к которому мне показал» один из моих новых знакомых.

Михаил Федотович Овсянников, автор монографии о Гегеле, написанной в конце 50-х годов, а также обширного исследования по истории эстетической мысли, результаты которого обобщены, в частности, в учебном пособии под названием «История эстетической мысли»[4], был, пожалуй, официальным лидером советской эстетики. Овсянников не только возглавлял ведущую эстетическую кафедру страны, которая располагалась в МГУ, он также руководил сектором эстетики в научно-исследовательском «Институте философии», входившем в состав Академии наук СССР. Под его руководством было осуществлено издание многотомной серии «Памятники мировой эстетической мысли». В этой серии в ряде случаев впервые на русском языке вышли классические труды по эстетике. Кроме того, он осуществил издание шеститомного труда по истории эстетической мысли, к которому привлек ведущих ученых страны.

Мой труд профессор Овсянников подержал в руках, бегло просмотрел первую страничку и спросил, где я учился. Я ответил. Тут он заинтересовался:

– Значит, понимаешь, о чем пишешь. Это хорошо, глупости писать не будешь, может быть.

Хитро улыбнулся и попросил поиграть ему на рояле. Кафедра эстетики располагалась на 9 этаже нового корпуса МГУ. Зал был внизу. В зале стоял рояль «Эстония». Вечером – после работы – я поиграл Овсянникову минут пятнадцать. Этого оказалось достаточно, чтобы вопрос о моей аспирантуре

решился положительно. Правда, были еще организационные трудности. Я работал на кафедре фортепиано, философского образования не имел. Декан факультета обратил внимание на эти обстоятельства в своем резюме на заявлении, которое я ему подал на следующий день. Декан важничал. Заставил меня простоять весь день в коридоре. Ему было некогда – он «принимал посла Кубы» (!), затем куда-то выезжал. Вернувшись, передал через секретаря мое заявление со своим мотивированным отказом. На следующий день я с грустным видом явился к Михаилу Федотовичу. Тот меня узнал, протянул для приветствия руку, но мою руку не пожал, точнее, рукопожатие не состоялось, а состоялось лишь пожатие его руки моею (впоследствии я понял, что такое рукопожатие – доброжелательный жест начальника, сохраняющего некоторую дистанцию). Все остальное, кроме рукопожатия, было в высшей степени дружеским. Прочитав резюме декана, он усмехнулся, велел написать новое заявление, тут же при мне на нем черкнул, просил решить вопрос положительно. Заявление оставил у себя:

– Езжай домой, занимайся диссертацией. Декан уехал в командировку за границу, но через пару недель он вернется. Не волнуйся – я его уговорю.

Откровенно говоря, я не очень поверил. Приехал домой без энтузиазма. Думалось, что Овсянников забудет, и дело опять сорвется. Но когда через месяц я все-таки решился позвонить в Москву, секретарь мне ответила: «Ваш вопрос решен положительно, готовьтесь к кандидатским экзаменам».

Руководить моей работой стал доктор философии В.П. Шестаков. Он был автором ряда превосходных работ по истории эстетики, а в недавнем прошлом, будучи сотрудником академического института США и Канады, стажировался в США, вел себя как европейский профессор – с «демократическим достоинством». С ним было приятно работать. Он не навязывал ни тему, ни идеи, ни подходов к выбранной мною проблеме. При первой встрече, просмотрев мой реферат, попросил написать введение будущей диссертации. Я написал. Он похвалил, но заочно, написав на титульном листе текста

несколько приятных слов: «Введение хорошее, ясный замысел, четкая постановка проблем, самостоятельный анализ литературы...».

Реферат вернулся ко мне через лаборанта, которая произнесла при встрече: «Вот ваша работа. Вячеслав Павлович остался доволен, хвалит». Шеф, как говорили тогда, обозначил дистанцию, но в то же время и окрылил. Но меня мучил вопрос – насколько перспективен сам подход, который я предлагаю к решению проблемы. Улучшив момент, я этот вопрос задал. Шестаков ответил быстро, что говорило о том, что для него вопрос уже решен: «Думаю, что все это схоластика, но вы можете этим заниматься. Кстати, прочтите работу Лифшица «Бессистемный подход» [5].

Статью Мих. Лифшица я прочел. Действительно, она – блестящий памфлет против той школы, которую возглавлял М. Каган, точнее, против Кагана: остроумнейшая и в высшей степени компетентная критика концепции с позиций марксизма-ленинизма. Я понял, что название моего реферата «Советская эстетика на пути к системному подходу» касается не всей советской эстетики, а лишь некой ее части, которая сосредоточилась «вокруг Кагана».

Нужно признать, что я не совсем понимал ситуацию, сложившуюся тогда в науке – был слишком слаб в философии, да и начитан как-то односторонне. Попав в философию случайно, я еще долго оставался на ученическом уровне – все прочитанное казалось мне правильным. Изучение философии и эстетики в процессе подготовки к кандидатским экзаменам не помогло существенно улучшить ситуацию. Однако я не мог не заметить, что мои товарищи-аспиранты знают и понимают философию не лучше, чем я. Но они как-то писали статьи и что-то защищали. Поэтому работу решил продолжить. На замечание В.П. Шестакова прореагировал своеобразно – воспользовался тем, что системные исследования в философии были популярны, и Каган не был одинок. Его системный подход критиковали другие «философы-системники». Я присоединился к их критике и создал некое системное построение, отличное от кагановской модели. Общая схема была заимствована

из работы В.П. Фофанова «Социальная деятельность как система» [6]. Эта схема-модель была приспособлена к изучаемой эстетической области. Не могу сказать, что вышло хорошо, но что-то получилось – помогли понимание искусства и некоторая ловкость в подаче материала. Шестаков, как человек культурный и широко образованный, работу одобрил, но дальше пошли обычные сложности с защитой диссертации – советом, обсуждениями на кафедре, оппонентами и проч. Впрочем, трудности удалось преодолеть – не сразу и не без труда – и диссертацию я защитил, изменив предмет исследования [7]. Правда, получил три голоса «против». Но откровенно нужно признать, работа не впечатлила даже моих доброжелателей. Вероятно, как личность я производил лучшее впечатление, чем то, что я написал. И многие говорили – «виноват системный подход, в который ты слепо веришь».

Пришло время разобраться в сути проблемы. Суммирую те замечания по поводу столь популярного по сей день метода, которые я услышал со стороны, со своими собственными наблюдениями (доводы М. Лифшица опускаю).

Во-первых. Понятия «система – элемент», соответствуют классическим понятиям философской космологии «целого и части». Философия, как писал Аристотель, суть наука о началах и для нее важно, какое бытие будет признано первичным – бытие части или бытие целого. Если в качестве такового признается целое, то философ развивает мировоззренческую концепцию, которую принято называть «органической». Такое мировоззрение развивал Платон, Аристотель, отцы церкви, Гегель и многие другие. Правда, были и такие мыслители, которые в качестве исходного бытия признавали бытие части (например, атомисты), их мировоззрение называют «неорганическим». Но необходимо подчеркнуть, что разговор о началах бытия ведется на так называемом «высшем», «метафизическом» уровне. А если говорить о реальном бытии, то здесь есть целое, которое состоит из частей, и это понимают все. Система, системный подход, как ее понимали последователи Винера, по сути дела есть, некий модус органической концепции. Но данный его вариант-

модус, претендуя на всеобщность, дается без должного философского углубления. Поэтому некоторые толковые философы, читающие мой труд, были против абсолютизации исходных его положений, точнее, системного подхода как философского метода.

Во-вторых. Системный подход пришел в философию из специальных наук, самых передовых в то время – кибернетики и программирования. Он стал не только модным – его мыслили в качестве универсального. И если новичок может некритически ухватиться за эту идею и, подобно мне, использовать его в качестве универсального метода исследования, то человек знающий, культурный, конечно вспомнит, что в XIX веке основатель позитивизма Огюст Конт уже предлагал в качестве основания мировоззрения последние выводы положительных наук, а в качестве всеобщего метода – их методологию. И вспомнит он роман Тургенева, его героя – Базарова – который на мир смотрел глазами самой передовой науки того времени – физиологии. Вспомнит, вздохнет... и не станет эстетические проблемы решать с помощью нового метода, возникшего опять же в передовых специальных науках. Впрочем, Сэмюэль Дэниел правильно говорил: «Пока скромное знание робко останавливается в размышлении, дерзкое невежество уже сделало дело» – диссертацию в нашем случае.

В-третьих. Некоторые авторы справедливо указывают, что системная модель Кагана, которую он сконструировал в связи с размышлениями по поводу работы каменотеса, вряд ли может быть рекомендована при изучении явлений социальных, ибо в обществе должны действовать по крайней мере несколько субъектов. И социальное действие всегда – общение. Такая ошибка называется «робинзонадой», по имени героя романа Даниэля Дефо. Правда, в системе деятельности каменотеса Каган обнаруживает коммуникативный элемент. Значит, общение (пусть и опосредованное), социальность им предполагается, подразумевается. Но в ней нет того, что точнее всего следует обозначить как взаимодействие, т.е. модель социальной деятельности должна

включать еще один структурный элемент – действие, направленное на каменистотеса, или, лучше сказать, – элемент «взаимодополнительности».

В-четвертых, концепцию деятельности Кагана не без серьезного основания упрекают в том, что называется «психологизацией» решения собственно философских проблем. Т.е. высшие и общие истины, лежащие в основе всех наук, в том числе и психологии, обосновываются им этой же психологией. Ему можно указать на логическую ошибку, которую называют «объяснение первичного производным». Принцип системности должен быть философски объяснен, выведен. И нельзя сказать, что этого тогда не понимали. В марксистской литературе тех лет ряд авторов разрабатывали системное учение в духе материализма (работы В.П. Кузьмина, В.П. Фофанова и др.). Но, вероятно, задача Кагана была другой – он попытался уйти от марксистской схоластики тех лет, воспользовавшись популярной в то время идеей. Это ему удалось: оставаясь марксистом, он стал говорить понятным для западных ученых языком, участвовал в налаживании диалога с Западом, был популярен на родине и в странах «народной демократии». Но по сути дела он марксистскую схоластику заменил другой схоластикой – системной, так получилось.

В-пятых, одна из ведущих ученых тех лет, серьезно занимающаяся философской антропологией, Людмила Пантелеевна Бueva указала мне на то, что применяемая мною системная модель не выявляет в искусстве существеннейшее индивидуальное содержание. Я, признаться, в то время данное замечание недооценил – принял к сведению, подкорректировал диссертацию, но о том, что индивидуальное содержание является в высшей степени ценным не только в искусстве, но и в бытии как таковом, я как-то и не подумал тогда.

Вот таковы соображения, которые надо бы учесть тому, кто сегодня применяет системный подход в качестве метода исследования искусства. Я, по приведенным выше соображениям, в методе разочаровался. Но, если какой-нибудь аспирант принесет концепцию будущей работы, где в качестве

метода исследования будет обозначен системный подход, и обратится ко мне вопросом «как я отношусь к его идее?», то я, пожалуй, отвечу так, как когда-то мне ответил В.П. Шестаков: «Думаю, что схоластика, но вы можете заниматься».

Список использованной литературы

1. *Коган Г.М.* Как делается научная работа // Коган Г.М. Избранные статьи. Вып. 2, М., 1972.
2. *Швейцер А.* Иоганн Себастьян Бах. М., Музыка. 1965.
3. *Каган М.С.* Лекции по марксистско-ленинской эстетике. ЛГУ, 1971.
4. *Овсянников М.Ф.* История эстетической мысли. М., 1978.
5. *Лифшиц М.* Бессистемный подход // Лифшиц Мих. В мире эстетики. М., 1985.
6. *Фофанов В.П.* Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981.
7. *Храмов В.Б.* Художественная самодеятельность как элемент социалистической культуры: Опыт системного исследования: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.04. Моск. гос. ин-т культуры. М., 1990. 16 с.